

В. М. Мельник

**УКРАИНСКО-ВЕНГЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В УКРАИНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ КАРПАТСКОГО РЕГИОНА**

Изучение отражений реальных исторических событий в фольклоре сопряжено со значительными методическими трудностями. Это связано прежде всего с тем, что стабильность фольклорной традиции сочетается с непрерывным варьированием, в процессе которого отдельные детали и факты претерпевают значительные изменения. Поэтому историк, обращающийся к фольклору, встречается как с реальными фактами, так и с поэтическими наслоениями на них. Народным певцам и рассказчикам всегда важен был смысл событий, общее отношение к ним, в большей мере, чем детали, связанные с их изображением. Кроме того, на протяжении веков фольклорная традиция испытывала воздействие письменности, позже — школы, книжности, и в самые последние десятилетия — технических средств массовой информации. Это создает подчас почти непреодолимые трудности для исследователя, желающего опираться на «чистую» фольклорную традицию. И наконец, приходится всегда помнить о различной природе отражения действительности в разных жанрах фольклора. Поэтому требуется тщательная текстологическая работа, изучение судьбы отдельных текстов, циклов и исторических слоев фольклора. Понимая все это, мы ставим перед собой ограниченную задачу — дать общий обзор отражения венгерской истории и украинско-венгерских взаимоотношений в украинско-карпатском фольклоре с целью привлечь внимание исследователей к этому малоизученному вопросу. При этом мы будем опираться на тексты, документированные собирателями.

Украинский фольклор, записанный в Карпатах, содержит отклики на многие события истории венгерского народа. Так, о переселении в Среднее Подунавье повествуется в легендах, исторических песнях и народных преданиях. Из многочисленных легенд об этом событии выделяются две — «Загибель Боржавського замку»¹ и «Про Мукачівський замок»², дожившие до наших дней в устной передаче.

В первой из них говорится о пребывании венгерских племен в Южной Руси, о столкновении их с печенегами, под ударами которых кочевники вынуждены были переселиться в центр Европы. Это произошло в 896 г.³ В легенде рисуется переход венгров через Карпаты, приход в Мукачево, сражение возле Ужгорода с местным князем Лаборцем, празднование победы и т. д. Упоминаются многие географические названия, связанные с переселением, и имена венгерских вождей (Арпада, Альмоша и Кальмана и пр.). Почти все эти реалии находят аналогии в венгерской

¹ «Легенди Карпат». Ужгород, 1968, с. 124—126.

² «Легенди нашого краю». Ужгород, 1972, с. 74—86.

³ См. В. Гаажега. Додатки к історії русинів і руських церковей в Ужанській жупі.— «Науковий збірник т-ва „Просвіта“», т. 2, Ужгород, 1923, с. 14.

письменной традиции средневековья, в частности в хронике анонимного летописца Белы III⁴.

Вторая легенда дополняет первую. Она сообщает о том, что венгры встретили за Карпатами «болгарского правителя» короля Салана, державшего в своих руках всю восточную часть Дуная и территорию на север к Иполю⁵, что подтверждается историческими материалами. На основе их М. М. Лелекач сделал вывод, что «княжество Салана распространялось вплоть до центральной части современной Венгрии»⁶. Одним из «верховных вождей короля Залана» (Салана), согласно легенде, был упомянутый князь Лаборец, погибший в неравном бою. Это событие породило песню «Ой в городі та в Ужгороді»⁷ и несколько преданий⁸. Гибель Лаборца изображается в них как большое общенародное несчастье.

На запад от владений Салана, по народным преданиям, находилось моравское государство Святоплука и земли немецкого «володаря Арнульфа»⁹, что подтверждается венгерскими хрониками второй половины XI в. Венгерская традиция размещает венгров на территории бывших моравских владений Паннонии¹⁰, откуда они начинают угрожать империи Арнульфа¹¹.

Наконец, легенда о Мукачевском замке привлекает материалами об обретении венграми их нынешних земель. В Тиссо-Дунайской низменности, кроме княжеств Салана и Лаборца, согласно легенде, было много других «менших володарів, які в міцних (т. е. крепких.— В. М.) замках вершили долю свого люду».

Связывая воедино устные и письменные данные о переселении венгерских племен в Центральную Европу и о приобретении ими земель в Среднем Подунавье, мы не должны придавать им силу окончательных доказательств, но не можем и игнорировать их близость даже в деталях.

Существует, как было сказано, народное представление, что населенная славянами территория Затисья и Трансильвании в X в. контролировалась Болгарским царством. Это мнение подтверждается ранним венгерским хронистом, которого условно называют Анонимом¹². Имеются сведения, что в 892 г. район соляных шахт Мараморощины принадлежал болгарскому царю Владимиру, сыну Бориса¹³, а с 893 г. — Симеону¹⁴. Можно предположить, что князь Салан мог быть соправителем Симеона, а Лаборец — Салана. Но как бы там ни было, исполнители преданий бережно относятся к историческим известиям, связанным с приходом венгров в Среднее Подунавье. Давно замечено, что предания и легенды особенно хорошо сохраняют свою достоверность в тех случаях, когда являются подтверждением народных прав на занимаемую ими территорию¹⁵. Анализируемые легенды — яркое подтверждение этого факта.

В легенде о гибели Боржавской крепости можно обнаружить историко-бытовые подробности, опущенные средневековыми хронистами. В ле-

⁴ «Anonymi Gesta Hungarorum». Cassovia, 1747, cap. XII, p. 29; cap. XIII, p. 30—31; cap. XIV.

⁵ «Легенди нашого краю», с. 75.

⁶ М. М. Лелекач. Про принадлежність Закарпаття до Київської Русі в X—XI ст. — «Наукові записки Ужгородського ун-ту, історично-філологічна серія», т. II, 1949, с. 30.

⁷ Песня «Ой в городі та в Ужгороді» записана нами в с. Заричеве Перечинского р-на Закарпатской обл. от В. И. Ситар.

⁸ См. К. Заклинський. Переказ про князя Лаборця. — «Подкарпатська Русь», ч. 1, Ужгород, 1923, с. 17, 18.

⁹ «Легенди нашого краю», с. 75.

¹⁰ «Annales Fuldenses» (828—902). — «Quellen zur Karolingischen Reichsgeschichte», Т. III. Berlin, 1957, S. 174.

¹¹ Там же, с. 168.

¹² «Anonymi Gesta Hungarorum», cap. XII, p. 29; М. М. Лелекач. Указ. раб., с. 30.

¹³ П. Яцко. Володимир, король Болгарії і руського Підкарпаття в 892 р. — «Подкарпатська Русь», річник IV, ч. 7. Ужгород, 1927, с. 153—159.

¹⁴ W. Stolarzki. Geschichte der Bulgaren, Т. I. Leipzig, 1918, S. 48—49.

¹⁵ М. М. Плисецкий. Историзм русских былин. М., 1962, с. 132.

гендарный сюжет вклинивается мотив мирных отношений венгров-кочевников с Галицким княжеством, упоминаются младший сын Арпада Кальман и его невеста — галицкая княжна Милота, овдовевший боржавский князь Черногор и др. Последний, воспользовавшись отсутствием Кальмана, ушедшего на войну с печенегами, и переселением венгров из причерноморских степей в Европу, женится на Милоте. Возникает конфликтная ситуация, в результате которой трагически погибают и Кальман и Милота.

Эпизод в Боржавской крепости, когда Кальман убил переодетую в одежду воина Милоту, а затем и себя, не имеет исторических аналогий, но он не безынтересен для выяснения фольклорных контактов предков закарпатских украинцев и венгров.

С именем «галицкой княжны» Милоты связано с Милота в бывшей Сатмарской жупе¹⁶, где в настоящее время живет главным образом венгерское население. Здесь долгое время бытовало предание, согласно которому Милота была невестой князя Теребоша, память о нем сохранилась «в том же селе... в названии межи»¹⁷.

В другом, более полно сохранившемся предании сказано, что в этом селе жила девушка-красавица, которую полюбил сын князя Теребоша Жонгора. Сын Арпада Белый тоже влюбился в Милоту, когда она была уже обручена с Жонгорой. Последнему посчастливилось в бою захватить в плен Белого, Милота, переодевшись в военную одежду, дала Белому возможность бежать. Но когда Белый почувствовал себя свободным, он убил Милоту, думая, что перед ним настоящий воин¹⁸.

В нашем распоряжении есть и ряд других преданий, связанных с переходом венгерских племен в Центральную Европу. Это предания о князе Народе, Руськине, Бодроге и др.¹⁹ Они создавались и бытовали на пути продвижения венгров с северо-востока на юго-запад в тех местах, где жило коренное славянское население.

Большой интерес представляют и топонимы, позволяющие определить маршруты походов и места кочевий венгерских племен от Киева до Карпат. Это речки Угорский Тикич, Угр, Угер, поселения Угруйск, Угруйская Воля, Угорце, Угринов, Угор²⁰, урочище Угорская гора между Киевом и Житомиром²¹, Угорское возле Киева²² и др. Часть этих топонимов находит аналогии в древнерусской летописи, другие совпадают с достоверным маршрутом переселения венгров, зафиксированным Анонимом, третьи, возможно, связаны с какой-то частью протоугров, оставшихся на территории Юго-Западной Руси после того, как основная масса переселенцев ушла в Среднее Подунавье. В Прикарпатье и в Закарпатье встречаются также фамилии Угрин, Венгрин, Мадьяр и т. п.

Представляется, что и древнерусский летописец в рассказе о переселении венгров опирался на устную традицию. Венгры, по словам летописца, «почаша воевати на живущая ту волохи и словени. Сядяху бо ту преже словени, и волохове приша землю ту, и седоша со словены, покоровше я под ся, и оттоле прозвася земля Угорська»²³.

Этнический состав славян Тиссо-Дунайской низменности был неоднороден. На основании устных и топонимических данных закарпатский исследователь П. Яцко еще в 1927 г. пришел к выводу, что коренные жители Трансильвании во время прихода венгров «были русинами», ибо

¹⁶ *Жупа*, или *комитат* — административная единица.

¹⁷ Н. А. Бескид. Карпаторусская древность. Ужгород, 1928, с. 103.

¹⁸ Там же, с. 103, 104.

¹⁹ Там же, с. 104.

²⁰ J. L. Pisz. Zur rumanisch-ungarische Streitfrage. Leipzig, 1886, S. 400—404.

²¹ В. Б. Антонович. Древности Юго-Западного края. Раскопки в стране древлян. СПб., 1893, с. 39, 40.

²² А. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875, с. 187.

²³ «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. II. М., 1962, с. 18.

целый край Залесский (современная Трансильвания.— В. М.) переполнен такими топонимическими названиями, как русин, русь»²⁴.

Отдельные моменты истории Венгрии XII—XIII вв. отразились в исторических песнях и эпических колядках. Одна из основных тем фольклорных произведений того времени — попытка венгерских феодалов захватить галицкий престол. Так, в песне «Ой сів сокіл на грушку»²⁵, которую записал, опубликовал и прокомментировал Ф. Повхан в 1930 г., отражены события того времени, когда венгерский король Андрей II силой оружия посадил на галицкий престол своего сына Кальмана. Но восставший народ, возглавляемый князьями Данилом Романовичем и Мстиславом Удалым, изгнал захватчиков²⁶.

Историческая основа песни почти забыта. Не сказано даже, какой король пришел на Галицкую Русь, забыто его имя. Только по некоторым деталям и названиям городов можно установить, что это песня о попытке Андрея II посадить младшего сына Кальмана на галицкий престол.

Сокол садится «на суху галузку», т. е. ветку, которая сломалась и «соколика скламала» (подвела.— В. М.). Известно, что Кальман сел на галицкий престол в 1215 г., а в 1219 г. был свергнут²⁷.

Упавший с сухой ветки сокол «летив в Краков», где он так громко запел, что «аж ся Краков разлягав». В этом можно усмотреть намек на совместные действия венгерских и польских феодалов против Юго-Западной Руси и тот факт, что обратный путь «короля Галиции» в Венгрию (когда отец забрал его домой) лежал через Краков. Финальная строка песни рисует полет сокола в Киев («Над Києвом крила стряс»), напоминая события 1238 г., когда союзник венгерского короля черниговский князь Михаил Всеволодович вместе с Кальманом захватил Киев. Разумеется, наша интерпретация песни весьма условна. С не меньшим основанием ее можно связывать с черниговским князем Михаилом Всеволодовичем, которого постигла та же участь при попытке занять галицкий престол. Черниговско-северский князь вступил в союз с венгерским королем Андреем II и сумел захватить Киев и Галицко-Волынское княжество. Однако в 1238 г. галичане выгнали его и пригласили к себе Даниила, Михаил Всеволодович бежал в Краков, а затем в Венгрию.

Несомненно только, что песня возникла под воздействием исторических событий в Венгрии первой половины XIII в. Может быть, она обобщает попытки венгерских королей и их союзников захватить галицкий престол. Подобные обобщения хорошо известны в фольклоре многих народов.

В середине XIII в. между Венгрией и Галицко-Волынским княжеством устанавливаются дружественные, более того, родственные связи. Уже в 1250 г. Даниил Галицкий просит Митрополита Кирилла, едущего в Константинополь, посетить венгерского короля Белу IV и установить с ним добрососедские отношения. Правитель Венгрии хорошо принял Кирилла. Он тоже был уверен в необходимости восстановления мира²⁸. Даниил вскоре отправляется к венгерскому королю «возьмь сына своего Лва и митрополита» и «поя дщерь его сын си жени... и створи с ним мирь и воротися в землю свою»²⁹. Несколько позже Бела IV посылает к Даниилу посольство с предложением прислать сына Романа, который должен стать мужем сестры венгерского короля³⁰.

Закарпатские украинцы, входившие в состав Венгрии, по случаю помолвки галицкого княжича и молодой венгерской герцогини сложили

²⁴ П. Яцко. Указ. раб., с. 157.

²⁵ Ф. Повхан. Історія у народних піснях.— «Подкарпатська Русь», ч. 7—8. Ужгород, 1930, с. 159, 160.

²⁶ Там же, с. 159.

²⁷ «История Венгрии в 3-х тт.», т. I. М., 1971, с. 143.

²⁸ ПСРЛ, т. II, с. 820.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, с. 821.

колядку бытового характера, в центре внимания которой подготовка к свадьбе. Колядовщики обращаются к птицам с просьбой не клевать виноград, так как родителям невесты «вина треба много», ибо она «зарученая, аж до Галича, за княжевича»³¹.

О поездке галицкого вельможи в венгерскую землю за невестой говорится в колядке «Ой у садочку черешневім»³². Сходные мотивы находим и в свадебных песнях³³. Во всех этих песнях изображаются сватовство, обычаи и обряды, связанные со свадьбой. Вообще говоря, все это может быть отнесено к любой поездке галицких княжичей-женихов в соседнюю Венгрию. А. А. Потебня был прав, когда писал, что упоминание об уграх «в песнях подолян, подгорян и горцев «...несомненно свидетельствует о давних сношениях с этой страной...». Колядки с такими сюжетами, по его мнению, не указывают на какой-нибудь «отдельный случай этих сношений»³⁴.

Современный исследователь Э. Балецкий, касаясь «некоторых венгерских заимствований в украинском языке», заметил, что «упоминание Венгрии и венгров в галицком фольклоре свидетельствует, что галицко-венгерские связи начались еще в период княжеской Руси»³⁵. Особый интерес представляет колядка о пане Перемисльном³⁶, содержащая некоторые датирующие признаки. В ней речь идет о свадьбе «пана Перемисльного», вернувшегося «панойка» «з Вгорської сторонойки»³⁷, которого собравшиеся спрашивают, что «там чувати в Угорской землі?». Он отвечает: «Там добре слыхано», объясняя там *мир* как *поле*, «огороженное мечами (мечом) от злой тучи». Касаясь этого эпического выражения, А. А. Потебня писал, что оно служит косвенным доказательством отношения образа к миру и счастью, а равно и его древности³⁸.

Толчком для возникновения этой песни, вероятно, послужила свадьба Юрия Львовича и возвращение его отца Льва Даниловича из венгерского похода. Об этом свидетельствует запись на полях Холмского евангелия: «Коли ся женило Георгий княже, а отець ему Угры ходило, тогда скончашася книга ся (15.X.1283)»³⁹.

Таково историческое зерно колядки о пане Перемисльном. Специфика обряда колядования должна была сказаться в усилении романтического элемента в ней. Забылось имя Льва. Он превратился в «панойко», жених вошел в колядку «паном Перемисльным», а невеста «молода паня» или «молода княгиня». В таком виде песня-колядка о свадьбе и завершившемся успешном походе галицкого «панойка» в Венгрию⁴⁰ осталась в памяти народа.

Следующий слой песенных и прозаических произведений Карпат связан с татаро-монгольским нашествием 40-х годов XIII в. Одни из них сообщают, что во время перехода «татарів на Угорщину» одна орда шла

³¹ *І. Панькевич*. Рецензія на зб. «Народні оповідання про давнину. (Історія Подкарпатської Русі в переказах)». — «Подкарпатська Русь», ч. 6. Ужгород, 1925, с. 103.

³² «Колядки та шедрівки». Київ, 1965, с. 225, 226.

³³ *Я. Головацкий*. Народные песни Галицкой и Угорской Руси, ч. III. М., 1878, с. 223, 224.

³⁴ *А. А. Потебня*. Объяснения малорусских и сродных народных песен, т. I. Варшава, 1883, с. 125.

³⁵ *Э. Балецкий*. О некоторых венгерских заимствованиях в украинском языке. — «Studia Slavica», t. IX. Budapest, 1963, с. 339.

³⁶ *Я. Головацкий*. Указ. раб., ч. II. М., 1878, с. 71, 72.

³⁷ Более подробно см.: *В. М. Мельник*. Народ про свою історію. Київ, 1966, с. 58, 59; *его же*. Історія Закарпаття в усних народних переказах та історичних піснях. Львів, 1970, с. 34, 35.

³⁸ *А. А. Потебня*. Указ. раб., т. II. Варшава, 1887, с. 129.

³⁹ «Отчет Румянцевского музея за 1892—1894 гг.» — «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. XIV, Львів, с. 40 (библиография).

⁴⁰ Косвенным свидетельством в пользу того, что поход был успешным, может быть грамота от 1299 г., где наджупан Берегской жупы Григорий называет себя «урядником Льва князя руського». — «Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis». (Ed. *G. Fejer*), t. 6, p. II. Buda, 1830, p. 216, 217.

через Галицию, а другая — «на Ардале»⁴¹, т. е. Семиградье. На их пути происходили столкновения и отдельные сражения, в которых гибли целые отряды татар, как, например, в районе с. Вышкова по дороге из Молдавии⁴², в окрестностях с. Драгова⁴³ и в других местностях Карпат и за Карпатами.

К этому времени относится и «Повесть об убиении Батыея», согласно которой татарский хан Батый был убит где-то на территории Угорской или Карпатской Руси⁴⁴. Об этом же говорит и топонимика Закарпатья и Восточной Венгрии. Название местности Батю и с. Батьево в Береговском районе, где были найдены остатки средневекового оружия, свидетельствуют о происходившем здесь сражении. В с. Краснобелек бывшего Сатмарского комитата Венгрии есть межа, называемая Батагалма, где, согласно преданию, похоронены воины Батыея⁴⁵.

Интересно отметить, что как раз на территории Сатмарской жупы обнаружено множество татарских археологических памятников. Например, около Баян Лаза, вблизи Биксада, где, по преданию, когда-то существовал Белоград, были найдены мечи, копья, стрелы, остатки щитов, свидетельствующие об отшумевшей здесь некогда битве⁴⁶. В с. Микола той же жупы одна межа называется Татарбомб — Татарский холм. Дальше расположено Татарфолво (Татарское село), владельцем которого в XIV в. был некий Татар. По преданию, бой между татаро-монголами и местными жителями происходил в районе Великой Бани (Нодьбани). Татарским предводителем был Субугетай, известный и по другим преданиям. В бою погибло много татар⁴⁷.

Украинские народные предания о Федоре Корятовиче дают представление о взаимоотношениях между подольским князем и венгерским королем Жигмундом (Сигизмундом). Первый, не желая подчиниться литовскому князю Витовту, в 1394 г. перешел Карпаты, правитель Венгрии подарил ему крепость в Мукачево, а также крупные имения в Земплинской и Мараморощской жупах. Рассказчики преданий положительно оценивают деятельность этого князя в Венгрии и его роль в борьбе сторонников с противниками Жигмунда. Легенды и предания изображают противников короля в виде семиглавого змея-дракона, который появлялся в Токае, в Маковице и везде на «земли руських»⁴⁸.

В легенде о Мукачевском замке говорится о восстановлении его после Никопольской битвы 1396 г., в которой турецкий султан Баязид разгромил королевские войска Жигмунда, после чего турки в любое время могли напасть на Венгрию⁴⁹.

Борьба против турецких завоевателей в XV в. нашла отражение в известной украинско-карпатской песне «Смерть королевича в битві з турками»⁵⁰. Ей посвящена довольно обширная литература, но обоснованных выводов очень мало⁵¹. И. Я. Франко предложил наиболее вероятную интерпретацию этой песни. По его мнению, в ней воспевается битва под Варной в ноябре 1444 г. «История, — писал И. Франко, — знает один такой факт, случившийся за Дунаем, возле Варны в Болгарии, где в 1444 г. погибли польский королевич и венгерский король, прозванный

⁴¹ К. Заклинський. Народні оповідання про давнину. Кошице, 1925, с. 12.

⁴² Там же, с. 18, 19.

⁴³ См. «Наш рідний край», річник VII. Тячів, 1936, № 2, с. 46—48.

⁴⁴ Н. А. Бескид. Указ. раб., с. 105.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, с. 105, 106.

⁴⁷ Там же, с. 106.

⁴⁸ «Легенди нашого краю», с. 87.

⁴⁹ Там же, с. 81, 82.

⁵⁰ І. Франко. Студії над українськими народними піснями. Львів, 1913, с. 85.

⁵¹ Обзор их см.: В. М. Мельник. Исторична правдивість фольклору. Львів, 1968, с. 127—132.

Варненчиком, и его тело было рассечено турками»⁵². Действительно, в большинстве вариантов этой песни известие о трагической гибели «крілецького» или «кравецького» сына, которому «головоньку порубано на четверо, а серденько на шестеро», приходит из-за Дуная. Поэтому не исключено, что прав И. Франко, утверждавший, что «эта песня не может относиться ни к какому другому факту, как только к битве под Варной в ноябре 1444 г.»⁵³.

Особый интерес для истории украинско-венгерских взаимоотношений представляют предания закарпатских украинцев о короле Матяше — герое венгерского, сербского, хорватского, словацкого, румынского и польского фольклора, справедливого, хитрого, великодушного защитника крепостного крестьянства⁵⁴. Он стал «справедливым государем» и для закарпатских украинцев, в фольклоре которых показан «как защитник трудового народа от произвола знати»⁵⁵.

Цикл исторических преданий Закарпатья о Матяше распадается на три тематические группы: одна повествует о происхождении короля, другая содержит антифеодалные мотивы и, наконец, третья рассказывает о его борьбе против турецких завоевателей. В ряде известных записей эти три темы переплетаются.

Устная традиция рисует Матяша выходцем из трудящихся масс, упорно называя с. Ореховицу около Невицкой крепости его родиной и Галайду — хозяином, у которого он был батраком⁵⁶. Таким образом, у исполнителей преданий было свое мнение относительно социального и национального происхождения Матяша Корвина.

Следующим звеном первой группы преданий является мотив чудесной коронации «руського хлопця» Матвея венгерским королем. Народная фантазия, не считаясь с историческими фактами, по-видимому, решительно переосмыслила действительные события. Согласно письменной традиции, Матвея Корвина короновала правящая верхушка. В народных же преданиях он — король из крестьян, избранный вопреки воле господ, старающихся всячески помешать этому.

Став королем (это произошло на государственном собрании 29 марта 1464 г. в Секешфехерваре⁵⁷), Матяш повел борьбу с феодальными группами, так называемыми баронскими лигами. Видимо, эта борьба и повлияла на создание и распространение преданий о короле Матяше и Поган-дивче⁵⁸, в которых народ по-своему изобразил разгром владелицы Невицкой крепости, своей жестокостью наводившей страх на жителей Ужанской долины. Долгие годы после изгнания Поган-дивче «народ, идя на базар... в Ужгород», боялся и «взглянуть на проклятые крепостные стены»⁵⁹.

Историческая основа преданий о борьбе Матяша с Поган-дивче выветрилась, хотя и сохранилось главное — Матяшу Корвину действительно пришлось вести длительную борьбу против баронских лиг (1458—1481 гг.). Есть основание считать, что предания о разгроме Матяшем таких крепостей, как Хустская, Киральгельненская, Середнянская и Невицкая⁶⁰ основываются на реальных впечатлениях от акций «справед-

⁵² *И. Франко*. Указ. раб., с. 85, 86.

⁵³ Там же, с. 84.

⁵⁴ *П. Линтур*. Король Матвей-Корвин в угро-русской народной традиции.— «Народна школа», № 7, 1940—1941, с. 124.

⁵⁵ *В. К. Соколова*. Русские исторические предания. М., 1962, с. 50.

⁵⁶ *П. Линтур*. Указ. раб., с. 127—128.

⁵⁷ «Magyar Diplomacziái Emlékek Matyas Kiraly Korából (1458—1490)». Szerk. Nagy Ivan, Nyari Albert. Budapest, k. I, 1875, 3 old.

⁵⁸ См.: «Замок у Невицьким і король Матяш». — «Етнографічний збірник», т. IV. Львів, 1898; *К. Заклинський*. Народні оповідання..., с. 32—34; «Легенди Карпат», с. 118—123; «Легенди нашого краю», с. 103—105, и др.

⁵⁹ *П. Яцко*. Історія Невичанського замку. Календар «Пчілка» на 1930. Ужгород, 1929, с. 14.

⁶⁰ *К. Заклинський*. Народні оповідання..., с. 34; «Легенди нашого краю», с. 105.

ливого» короля против магнатов. Народ изобразил его находчивым и храбрым!

Стали создаваться также народные предания о борьбе Матьяша против турецких завоевателей. В некоторых вариантах антитурецкие мотивы вплетаются и в предания о Поган-дивче и Матьяше, о которых мы уже говорили. В некоторых записях упоминается, что Поган-дивче «була із Туреччини», в других с ее гибелью связывают начало войн с этой страной⁶¹.

Подлинной жемчужиной народных преданий Закарпатья о борьбе Матьяша с турками являются легенды, объясняющие уникальный в истории Венгрии случай предоставления Шандровских соляных источников населению Мараморошского комитата. Матьяш воюет с турками, но ни одна из сторон не может добиться успеха. Тогда венгерский король и султан договариваются, что исход войны должен решить поединок двух богатырей — венгерского и турецкого. По всей Венгрии начали искать самого сильного человека. Выбор пал на закарпатского горца Павла Кишиша, и тот побеждает турецкого великана. В награду за богатырский поступок «справедливый» король Матьяш дает право жителям Марамороша бесплатно брать соленую воду из Шандровского колодца⁶².

Исторические памятники подтверждают, что украинское население Закарпатья принимало активное участие в антитурецкой борьбе венгерского народа во второй половине XV в.⁶³

В заключение укажем на некоторые социальные мотивы в народных преданиях о Матьяше. Он тайно ходит по Венгрии, заходит к пастухам, крестьянам, лесорубам, углежогам, школьному учителю, старается помочь народу, защитить его от произвола знати⁶⁴. Эти предания в интерпретации П. В. Линтура «характеризуются отсутствием фантастического элемента и сравнительной реальностью. Исторические факты в них представлены так, как они в действительности были, не замаскированы... Вследствие чего эти предания представляют живую картину нашей народной жизни в прошлых веках»⁶⁵. В. К. Соколова пишет об этих преданиях осторожнее — события, о которых говорит П. В. Линтур, различны по своему происхождению, однако в большинстве из них обнаруживаются вполне реальные штрихи⁶⁶.

Соглашаясь с этими двумя авторами, мы хотели бы добавить, что подобные штрихи в преданиях о Матьяше сочетаются с явным вымыслом. К последнему относятся все приключения «справедливого» правителя Венгрии. В то же время в обрисовке социально-экономического положения венгерского и закарпатского крестьянства находим обилие конкретных, правдоподобных деталей, взаимно подкрепляющих друг друга.

Следующей темой венгерской истории, нашедшей отражение в украинском фольклоре Закарпатья, является национально-освободительная борьба куруцев против лабанцев, составившая целую эпоху в истории Венгрии последней четверти XVII — начала XVIII в. Участие в этом движении закарпатских украинцев оставило глубокий след в исторических песнях и народных преданиях. О событиях 70—80-х годов XVII в. повествуют «Песнь об образе Клокочевском»⁶⁷ и «Песнь о Будині военска»⁶⁸.

⁶¹ «Легенди нашого краю», с. 103.

⁶² П. Линтур. Указ. раб., с. 129, 130, 150, 151.

⁶³ См.: J. Dusánek. Chust v Marmarosi. Chust, 1937, s. 56.

⁶⁴ См.: В. Гнатюк. Етнографічні матеріали з Угорської Русі, т. VI.— «Етнограф. збірник», т. XXX, Львів, 1911, с. 88, 89; П. Линтур. Указ. раб., с. 131, 132, 151—153.

⁶⁵ П. Линтур. Указ. раб., с. 132.

⁶⁶ В. К. Соколова. Указ. раб., с. 90.

⁶⁷ А. С. Петрушевич. Историческая песнь карпаторуссов из 1683 года.— «Литературный сборник, издаваемый «Галицко-русскою матицею», вып. II, Львов, 1886. с. 190—198.

⁶⁸ I. Панькевич. Новонайдені світські пісні в Підкарпатським пісеннику И. Сабова.— «Подкарпатська Русь», ч. 1—10. Ужгород, 1934, с. 50—52.

Они не только фиксируют ход борьбы, но и отражают сущность того, что происходило.

В первой песне говорится о борьбе двух враждебных лагерей — куруцев⁶⁹ и лабанцев⁷⁰, за которыми стояли Турция и Семиградское княжество, с одной стороны, и Габсбургская империя — с другой. Отношение народных певцов к куруцам враждебное, к лабанцам доброжелательное. Куруцы осуждаются за то, что по их вине «в Клокочеві церква спалена», а «угорська вшитка (т. е. вся. — В. М.) земля опустошена».

В песне рассказано, как феодалы, увидев, что «синове своей воли», т. е. куруцы Текели только «на цсаря свої... руки підняли», начали переходить на их сторону. Они

Від цсаря відступають,
А туркові присягають.

Известно, что предводитель куруцев граф Эмерик Текели в 1682 г. принес в Будапеште присягу на верность турецкому султану. В песне текелиевцы «Идуть до Будину приклад брати і хочуть ся туркові приятельми стати»:

Турок їх до себе приймає,
А під Відень ся стягає.

Последняя строка переносит нас к событиям конца 1682 — начала 1683 г., когда «табори турецькі стали під Відень» (т. е. под Веной. — В. М.), вследствие чего вся Европа находилась в большой опасности.

Противники Габсбургов, подойдя к Братиславе и, позднее, к Вене, еще не знали, что им «прийде гірка обідень». Император же «на то нічого не дбає», ибо имеет надежду, что

Ізбересь християнство
Віджене в нас те поганство.

Это явный намек на предстоящие бои между «священной лигой» европейских государств и турецкими захватчиками, тем более интересны, что битва под Веной не изображается в песнях. В следующих строках речь идет о сражениях, главным образом на территории Венгрии. Жаркая битва «в Будині», где христиане «великую кров розляли, а турков всіх мечем постинали», действительно произошла. В таком же духе описывается и наступление войск союзников от Будина к Нандорфеервару и далее на Егер и Феервар. После освобождения этих городов войска «священной лиги» переправляются через Тиссу и подходят к Вараду, где «Варадский баша тому был барзо не рад». Из песни узнаем, как под Варадом «при холоді турци сиділи» и «от стрілянія гранатов світа не виділи». Здесь же и указание на день сдачи турками города:

В одну среду скоро рано
Ганзерові город здано.

Народные певцы обращают внимание на то, что турки сдали Варад без боя, «бо ся смерті в нім боячи». Финал песни оптимистический. В нем звучит желание освободить от басурман и сам Царьград, чтобы в бывшей византийской столице «піснь воспівати».

Вторая «Песня о Будині военска» повествует о военных событиях 1683—1686 гг. Начинается она вестью «от Будина», где турки уничтоже-

⁶⁹ Куруцы в разные периоды представляли бедноту, в 70—80-х годах XVII в. — это политические противники Габсбургской империи.

⁷⁰ Лабанцы — сторонники Габсбургского двора.

ны, «мечем посічени, побиті як свині». Поэтому «турческое горе чути аж за море», и народные певцы призывают «веселиться». Среди празднующих победу венгров «веселиться и Барковций», тот самый королевский советник Франц Барковций, который сначала был в лагере Текели, но после битвы под Веной 1683 г. перешел на сторону союзников Австрии и принял участие в сражении под Будингом. В песне он, как и все венгры, радуется тому, что «меч християнський на народ поганський mocno ся нагоняет».

Неизвестные создатели песни противопоставляют смышленому Барковцию недальновидного Текели, который осуждается за союз с турками и за то, что он загнал людей «много в неволю». Поражения Текели воспринимаются радостно, его беды вызывают восторг. Следовательно, в Закарпатье существовала радикальная куруцкая среда, в которой деятельность Текели открыто осуждалась. Видимо, это те куруцкие силы, которые в начале антигабсбургской борьбы (1672 г.) составляли ядро освободительной армии. Сближение Эмерика Текели, ставшего во главе куруцкого движения, с турками разочаровало народные массы, что и отразилось в фольклоре.

О Текели упоминает и легенда «Куруци в Хустському замку»⁷¹, где он назван «предводителем восставших — куруцев». Он отдает приказ полковнику Рославецкому овладеть крепостью, но сам захват замка осуществляется без его участия. Исполнители преданий припоминают, что тогда на престоле Габсбургской империи сидел «прадід Марії Терези Імператор Леопольд», знают, что в Хустской крепости находились лабанцы, помнят их коменданта капитана Таллоша, представляют себе состав куруцкого войска, называют современный венгерский город Дебрецен Добройном и т. д. Все это интересные и малоизвестные детали из истории Венгрии конца 70 — начала 80-х годов XVII в., в том числе и воспоминание о том, что Дебрецен был когда-то славянским городом.

Таким образом, в первый период движения куруцев (до 1697 г.), пока турецкие поработители не были изгнаны из Венгрии, в украинском фольклоре Закарпатья сочетаются антитурецкие и антитекелиевские мотивы. С началом национально-освободительной войны венгерского народа 1703—1711 гг. фольклор закарпатских украинцев приобретает антифеодальную и антигабсбургскую направленность. В народных преданиях того времени преобладает тема борьбы куруцев за свое социальное и национальное освобождение и рисуется героический образ их вождя Ференца Ракоци II.

Из многочисленных преданий этого времени выделяется предание «Змова Ракоція»⁷² (т. е. заговор Ракоци.— В. М.), отразившее заговор Ференца Ракоци II против Габсбургов. Народная память сохранила сведения о социальном происхождении Ракоци, его антигабсбургском заговоре, аресте, заключении в тюрьму, побеге в Польшу, формировании вспомогательного отряда, переходе в Закарпатье и руководстве национально-освободительным движением. Отдельные факты предстают в искаженном виде, но важно, что в этом цикле преданий утверждается преемственность традиций антигабсбургской борьбы семьи Ракоци.

С началом освободительной войны связано предание «На Лемацькім»⁷³, отразившее Должанскую битву куруцев с лабанцами 6 июня 1703 г. Поле сражения до сих пор в народе называют «Лемачка», в память о том, что здесь бились «лемачки» (т. е. лемки — украинские крестьяне.— В. М.) с лабанцами. Здесь стоит скромный памятник с надписью: «З богом за Вітчизну і свободу... На пам'ять першої битви (??) 6 червня

⁷¹ «Легенди нашого краю», с. 68—71.

⁷² Предание «Змова Ракоція» записано нами в с. Заречье Иршавского р-на Закарпатской обл. от Д. А. Булецы.

⁷³ П. Линтур. Франц Ракоци II в угро-русской устной традиции.— «Народна школа», Ужгород, 1940, № 9, с. 188.

1703 г. загинулих куруців Франца Ракоці»⁷⁴. Правдиво обрисовав сражение и национальный состав куруцев, предание показывает, что лемки в начале XVIII в. жили не только на запад от р. Уж, но и в Бережском комитате, в состав которого входили современные Свалявский, Мукачевский, Иршавский и Береговский районы. Это подтверждается и другими источниками.

Другие предания на ту же тему интересны тем, что показывают совместную борьбу украинских и венгерских куруцев Закарпатья⁷⁵. «Між куруцями, — сказано в одном предании, — були як наші руські лемаки, так угорські селяни. І тому, що більше було лемаків поле битви і нині називається «Лемачкою»⁷⁶. В предании «Прихід Ракоці»⁷⁷ упомянуты места важнейших событий, особо выделены маршрут похода князя из Польши в Закарпатье и места столкновений куруцев с лабанцами (в частности, под Мукачевым).

Неоднократные посещения Закарпатья Ракоци послужили поводом для возникновения преданий о пребывании князя в Билках, возле Виноградова на Шаланецкой горе, в Хустском замке, в Бывцари, Драгове, Вильхивцах и других населенных пунктах края⁷⁸. Эти предания, как и предыдущие, дополняли легендарную биографию Ракоци новыми эпизодами, придающими ему черты добродушного человека, справедливого борца за свободу, вождя трудящихся. Даже уход князя в Польшу (в 1710 г.) рисуется вынужденным. Поражение куруцев народ воспринял как большое общее несчастье.

Среди всех известных нам преданий только в одном «Ракоці і нямеши»⁷⁹ отдельные действия князя изображаются критически. Ракоци заменяет командиров из народа дворянами, которые подорвали внутреннее единство движения. Ракоци впоследствии сам писал о том, что среди этих дворянских командиров «не было ни одного, который не заслужил бы самого сурового наказания за неисполнение» его приказов⁸⁰.

Рассматривая отражение истории Венгрии в украинском фольклоре Закарпатья, мы не можем пройти мимо преданий об императоре Иосифе II⁸¹. Объясняется это тем, что во время правления этого императора были проведены реформы, направленные на ограничение власти помещиков и в известной мере облегчившие положение крестьян⁸².

Иосиф II много ездил по Венгрии, Словакии, Буковине и Закарпатья, вступал в непосредственные сношения с крестьянами и рабочими людьми и это создавало ему определенную популярность в народе⁸³. Среди крестьян, например, распространялась молва, что по велению Иосифа II должно быть сокращено время работы на панов, что было отзвуком манифеста об «урбаниальной регуляции» от 26 апреля 1768 г.⁸⁴

Иосифу II во время посещения им Трансильвании в 1773 г. были вручены многочисленные петиции от различных социальных групп, главным образом от крестьян. Свои впечатления от этих документов престолонаследник изложил государственному совету и императрице Марии Те-

⁷⁴ Там же, с. 185.

⁷⁵ См. П. Линтур. Франц Ракоци II..., с. 188; В. В. Мельник. Історія Закарпаття..., с. 71.

⁷⁶ В. М. Мельник. Історія Закарпаття..., с. 71.

⁷⁷ Предание «Прихід Ракоці» записано нами в с. Завадка Воловецкого р-на Закарпатской обл. от Д. И. Чекеты.

⁷⁸ См. П. Линтур. Франц Ракоци II..., с. 185—190.

⁷⁹ К. Заклинський. Народні оповідання, с. 94; В. М. Мельник. Історія Закарпаття..., с. 72.

⁸⁰ «I. I. Rakoczi. Ferenc emlékiratai magyarországi haboruból. 1703 — tol vegeitg». Kozlik: Rath Karoly es Thaly Kalman. Pest, 1866, о. 66.

⁸¹ П. Линтур. Император Иосиф II в угро-русской устной традиции. — «Народна школа», Ужгород, 1940, № 10, с. 203—212.

⁸² Там же, с. 203, 205, 211.

⁸³ Там же, с. 203, 204.

⁸⁴ Там же, с. 205, 210, 211.

резии⁸⁵, что способствовало популяризации его имени. Естественно, что со вступлением Иосифа II на престол в 1780 г. крестьяне связывали надежды на свое освобождение от крепостной зависимости. Они усилились после января 1784 г., когда Иосиф II издал распоряжение о переписи крестьян в деревнях близ границы⁸⁶. Восставшие в Трансильвании в отдельных местах ссылались на императорский указ об улучшении участи крестьян⁸⁷. Предания продолжили эту идеализацию императора. В одних преданиях он становится батраком и убеждается в помещичьем произволе⁸⁸, в других как хороший правитель требует строго придерживаться закона, который должен быть «однакий як для пана, так для простака»⁸⁹, в третьих издает распоряжение об уничтожении монастыря⁹⁰, в четвертых добивается ликвидации зависимости крестьян от помещиков⁹¹.

В одном из подобных преданий странствующий престолонаследник купил три лошади: толстую, слепую и худую и отправился к отцу. Удивленный император спрашивает сына, что означает эта тройка. Тот ответил: «Это, папа, твое государство! Толстая лошадь — это шляхтичи и феодалы. Как она, ест только овес и ничего не делает... Слепая лошадь — это ты!... Худая лошадь — это простой народ. Как она, тяжело работая, ест солому, так и крепостные на овсяном хлебе трудятся с утра до ночи»⁹².

Фольклорный образ Иосифа II заметно приукрашен. Это типичный идеализированный образ «добротного правителя», известный в фольклоре многих народов. В действительности же Иосиф II вовсе не был ни прогрессивным, ни демократически настроенным. В конце 1780-х годов Иосиф II даже был против проекта ограничения крепостного права. Его преимущество перед предшественниками заключалось только в том, что он долгое время не правил страной, а был наследником, и как таковой — носителем некоторых надежд. Народное воображение поэтому могло награждать его чертами потенциального «заступника».

В фольклоре украинского населения Карпат отразились также события буржуазно-демократической революции 1848—1849 гг. В устной традиции карпатских горцев прослеживается двойственное отношение к венгерской революции и ее руководителю Лайошу Кошуту. В наиболее ранних произведениях положительно оцениваются все свершения, позже певцы и исполнители преданий отразили противоречия, которые обнаружались в поступках Л. Кошута, игнорировавшего при создании национального венгерского государства интересы других народов⁹³.

В 1894 г. И. Я. Франко писал: «Кошут и его диктаторская деятельность не находят в нашем народе симпатии, и песни ими не очень подробно занимаются, обращая вместо того главное внимание на само подавление венгерского восстания с помощью русских войск»⁹⁴. С этим можно согласиться лишь частично. Имеющийся в нашем распоряжении материал дает возможность утверждать, что в некоторых фольклорных произведениях отразилось и положительное отношение к венгерской революции и Кошуту.

⁸⁵ «История Венгрии в 3-х тт.», т. I, с. 421, 422.

⁸⁶ Там же, с. 415.

⁸⁷ Там же, с. 416.

⁸⁸ П. Линтур. Император Иосиф II...

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же, с. 211, 212.

⁹¹ Там же, с. 212.

⁹² Там же.

⁹³ В. М. Мельник. Украинский фольклор периода феодализма как исторический источник. Автореф. докт. дис. М., 1973, с. 35

⁹⁴ И. Франко. Кошут і Кошутська війна.— «Житте і слово», т. I, 1894, с. 462.

Известны песни, в которых народ восторженно воспеваает мартовские события 1848 г. в столице Венгрии⁹⁵.

В некоторых песнях высказывается сочувствие борющимся венграм и, в частности, Кошуту, который формировал отряды для борьбы с контр-революцией⁹⁶.

Особый интерес представляет народное предание «Віина в році 1848». В нем рассказывается о том, что в 1848 г. «была война, званная Кошутова революция», которой руководил «Кошут Лайош, тогдашний венгерский вождь. Продолжалась она 18 месяцев»⁹⁷.

Предание, сохранившее материалы о вербовке украинской молодежи («брали і наших русинів») в революционную гвардию Кошута, свидетельствует об участии в революции закарпатских горцев. Революция, как следует из преданий, закончилась не так, как хотели ее руководители. Но положение народа все же несколько улучшилось. Барщина была ликвидирована и началась «комасация», т. е. отделение крестьянских земель от помещичьих. Крестьяне получили от своих панов общие пастбища и леса, но за это должны были платить. Наделение земель длилось до 1870 г.⁹⁸ Разочарование в реформах наступило довольно скоро

Отдельные предания отличаются большой исторической точностью и легко соотносятся с действительными и порой малоизученными событиями. Таково, например, предание «Л. Кошут і 1848 рік»⁹⁹, записанное В. Гнатюком. В нем повествуется о Кошуте и его борьбе против феодальных порядков, упоминаются император Фердинанд и наследник Франц-Иосиф, приход к власти которого способствовал началу революции, так как Венгрия не хотела признавать нового правителя. Рассказывается здесь и о генералах Гергее, сложившем оружие под Вильягошем, что вызвало замешательство в революционном лагере, и Клапке, не сдавшем крепости Комарно до тех пор, пока противники не гарантировали ему, офицерам и солдатам свободу. Гарнизон этой крепости сопротивлялся до 5 декабря 1849 г.¹⁰⁰ Он был последним очагом революции.

Осенью 1849 г. Кошут покидает Венгрию. В одном из преданий рассказывается, как возле Дуная он «межи штирми тополями закопав мадьярську корону і втік в Туреччину». Узнав об этом, император Австрии потребовал выдачи Кошута, но «турок не согласился»¹⁰¹. Трагическая судьба вождя венгерской революции 1848—1849 гг. изображается здесь с сочувствием¹⁰².

Однако существовали предания и песни, в которых отразилось недоброжелательное отношение к венгерской революции и самому Кошуту¹⁰³, что видимо, объяснялось отказом руководителей венгерской революции во главе с Кошутотом от решений многих социальных и национальных вопросов, волновавших украинское население Карпат.

Итак, многовековые украинско-венгерские отношения, вхождение Закарпатье в состав Венгерского государства и длительное пребывание в нем довольно широко отразились в украинском фольклоре Карпат. Его дальнейшее изучение могло бы много дать для истории как венгерского, так и украинского населения Карпат.

⁹⁵ Г. А. де Воллан. Угро-русские народные песни. СПб., 1885, с. 158.

⁹⁶ М. Драгоманов. Нові українські пісні про громадські справи. Женева, 1881, с. 61.

⁹⁷ К. Заклинський. Народні оповідання..., с. 118.

⁹⁸ Там же, с. 120.

⁹⁹ В. Гнатюк. Етнографічні матеріали з Угорської Русі.— «Етнографічний збірник», т. XXV. Львів, 1909, с. 217, 218.

¹⁰⁰ «История Венгрии в 3-х тт.», т. II, М., 1972.

¹⁰¹ В. Гнатюк. Етнографічні матеріали з Угорської Русі, «Етнографічний збірник», т. XXV, с. 218.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ См.: «Житте і слово», 1894, т. I, с. 466; К. Заклинський. Народні оповідання..., с. 122, 123; В. Микитась. Маловідомі пісні про «Кошутову віину».— «Народна творчість та етнографія», 1970, № 5, с. 53.